

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФАКТОР» В СТАНОВЛЕНИИ ТУВИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю. В. Кузьмин¹, В. А. Василенко²

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

27 марта 2018 г.

Дата принятия к печати

21 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения

8 июня 2018 г.

Ключевые слова

Тува; политика; урянхайский вопрос; Россия; Монголия; Китай

Финансирование

Грант Российского фонда фундаментальных исследований 18-514-94002 МОКН_а «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия — Монголия — Китай: проблемы, противоречия, сценарии»

Аннотация

В настоящей статье проведен комплексный анализ событий, связанных с оценкой политической ситуации в Туве в первой четверти XX в. Особое внимание уделено 1918–1921 гг. как периоду институционального и правового оформления тувинской государственности. Каждая из сторон «центральноазиатского треугольника» стремилась выработать собственную стратегию в отношении Тувы. В этом контексте на основе архивных материалов проведена сравнительная характеристика позиций Временного и советского правительств, Китая и Монголии по поводу «урянхайского вопроса» и обозначены политические мероприятия. Дан обзор внутривнутриполитической ситуации в крае, приведена оценка позиций тувинской элиты в отношении проблемы национального самоопределения в крае, ее взаимодействия с правительствами России, Китая и Монголии. С правовых аспектов уделяется внимание текстам Договора о самоопределении Тувы, дружбе и взаимной помощи русского и тувинского народов. Проведен анализ исторических документов, в том числе стенограммы прений представителей России, Монголии и Китая по «урянхайскому вопросу», предвещающих заключение соглашения в 1921 г. об установлении дружественных отношений между РСФСР и Монголией.

«INTERNATIONAL FACTOR» IN THE DEVELOPMENT OF TUVAN STATEHOOD IN THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY: ON THE PROBLEM STATEMENT

Yuriy V. Kuzmin¹, Viktoriya A. Vasilenko²

¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

² Irkutsk State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

March 27, 2018

Accepted

May 21, 2018

Available online

June 8, 2018

Keywords

Tuva; politics; Uriankhai issue; Russia; Mongolia; China

Abstract

In this article a comprehensive analysis of the events associated with the assessment of the political situation in Tuva in the first quarter of the twentieth century is carried out. Special attention is paid to 1918–1921, the period of the institutional and legal design of Tuvan statehood. Each side of the «Central Asian triangle» sought to develop its own strategy for Tuva. In this context, on the basis of archival materials, a comparative description of the positions and political activities of the Provisional and Soviet governments, China and Mongolia on the «Uriankhai issue» is given. The review of the internal political situation in the region, the assessment of the position of the Tuva elite on the problem of national self-determination in the region, its relations with the governments of Russia, China and Mongolia. Among the legal aspects, attention is paid to the texts of the Treaty on self-determination of Tuva, friendship and

Acknowledgements

Grant of the Russian Foundation for basic research 18-514-94002 «National interests of Russia and Mongolia in the triangle of Russia — Mongolia — China relations: problems, contradictions, scenarios»

mutual assistance of the Russian and Tuvan peoples. The analysis of historical documents, including transcripts of the debate of representatives of Russia, Mongolia and China on the «Uriankhai issue», which preceded the conclusion of the 1921 agreement on the establishment of friendly relations between the RSFSR and Mongolia, is carried out.

В этом году исполняется 100 лет со дня объявления самостоятельности танну-тувинских хошунов. Само событие было оформлено подписанием Договора о самоопределении Тувы, дружбе и взаимной помощи русского и тувинского народов. Заключение договора проходило в условиях сложной внутриполитической обстановки, отягощенной существующими между Россией, Китаем и Монголией противоречиями по «урянской проблеме». В статье на основе имеющегося материала представлен краткий анализ событий, связанных с участием России и Монголии в «урянской проблеме» и проблемой национального самоопределения Тувы в первой четверти XX в.

События 1911–1921 гг. способствовали становлению и развитию комплекса политических процессов, связанных с развитием самостоятельности Монголии как субъекта международной политики. Отказ монгольского правительства от сюзеренитета Китая, непризнание независимости страны большинством западноевропейских государств и Японией способствовали укреплению дружественных связей с Россией. Соглашение от 5 ноября 1921 г. заложило основные правовые принципы международных отношений. На российско-монгольской конференции, в рамках которой велось обсуждение главных вопросов соглашения, рассматривался также вопрос о территориальной принадлежности Тувы (Танну-Урянхайского края). Обсуждения по данной проблеме не вошли в основной протокол конференции. Однако профессор О. Батсайхан предоставил авторам настоящей статьи копию стенограммы прений по «урянской проблеме», датированной 30 октября 1921 г. Выражаем искреннюю благодарность уважаемому коллеге за ценный архивный материал.

Территориальная близость Танну-Урянхайского края к России, Монголии и Китаю, его статус лимитрофа явились главными причинами соперничества за регион в разные исторические периоды. Вопрос о спорном статусе территории сохранялся, несмотря на официальное вхождение края в состав Цинской империи в 1755 г. Косвенный интерес к ресурсному

потенциалу края в конце XIX–XX вв. проявляли Япония, Англия, Германия, Франция. Синьхайская революция 1911 г. стала важным шагом, побудившим тувинский и монгольский народы освободиться от власти Китая. Правительство Богдо-гэгэна проводило ряд кампаний по объединению Халхи, Урянхайского края и Барги в единое государство. Однако в результате объявления протектората России над Тувой и заключения в 1915 г. Тройственного соглашения идея создания «Великой Монголии» осталась нереализованной. Вопрос о правовой принадлежности края с новой силой обсуждался в 1921 г. — судьбоносном как для Монголии, так и для Тувы. Соперничество стран «центральноазиатского треугольника» в Туве в последнее время активно обсуждается в ряде работ — В. Г. Дацышена [1], Ю. В. Кузьмина [2], Н. М. Моллерова [3].

Аспекты международной политики в Туве были рассмотрены в работах Е. А. Белова [4], С. В. Саая, С. Ч. Сат [5] и других исследователей [6].

В период действия российского протектората Урянхай по-прежнему оставался в сфере интересов Китая и Монголии. По мере ослабления позиций России на фронтах Первой мировой войны в крае активизировались китайские и монгольские чиновники, а в тувинском обществе усиливались промонгольские и прокитайские настроения [7–9]. Во избежание провокационных действий по распоряжению Временного правительства в крае был установлен особый надзор за всеми иностранными подданными¹.

В этот период Китай и Монголия по-прежнему сохраняли свои претензии на край. Монгольская сторона обращалась к правителям кожуунов с воззваниями не принимать сторону русских. Так, Чжалханца-хутухта, назначенный Халхинским правительством главой Тувы, обращался к нойону Салчакского кожууна: «Правительство Хутукту приказывает своему подчиненному, правителю Салчакских урянхайцев, то есть тебе, Идамсурун, чтобы ты дал должный отпор русским, заставил их вернуть все, что они на-

¹ Государственный архив Республики Тыва (ГА РТ). Ф. 112, оп. 1, д. 176.

грабили у граждан, написал письмо русскому консулу, чтобы они прекратили нарушение границы. Если ты будешь следовать светлой дороге древнего Мин, то будешь помилован и награжден. Если ты умышленно будешь нарушать спокойствие и прежний порядок, то не жди помилования с неба и пойми, что в какое-то мгновение ты будешь лишен жизни. Не забывай, бесполезно руками не маши! Не веди народ к пропасти. Убив человека, не жди, когда тебя убьют. Очищай свою душу от прошлых и сегодняшних грехов»².

В письме нойон кожууна Салчак Иднам-Сюрюн сообщал комиссару по делам Урянхайского края Турчанинову, что большинство салчакских чиновников, кроме него, склоняется в подданство Монголии: «Победить большинство не могу, бессилён, и это верно. Это состояние можно пояснить примером: один человек, хотя бы он был велик, как слон, справиться с множеством людей не может, или, как бы ни было остро лезвие ножа, перерезать камень им нельзя» [10, с. 308]. Ситуация не в пользу России складывалась под влиянием экономических факторов, в том числе по причине отсутствия должного финансирования, а также грабительского характера торговли, которую вели русские купцы с местным населением: «Спекуляция, бестоварье, как явление общее, существует и в Урянхае... Несоответствие цен при получении товара на руки и при уплате за него предметами своего хозяйства заставляют урянха идти на сторону, побуждают к неуплате и вообще создают конфликты. Эксплуатация туземцев русскими купцами (прежде китайцами) в отдельных случаях достигает невозможных форм и размеров» [там же, с. 306].

В рассматриваемый период торговая экспансия Китая была особенно сильной: китайские товары по сравнению с российскими стоили достаточно дешево. Наложение запрета на въезд в Урянхай китайских купцов, товарный дефицит приводили к частым конфликтам с русским населением [4, с. 192–207].

В июне 1918 г. к власти пришли большевики. Руководствуясь принципом права наций на самоопределение, советская власть сразу объявила о независимости Тувы и освобождении ее от российского протектората. Между представителями русского населения края и представителями хошунов Танну-Тува был заключен договор о независимости тувинского народа и о самостоятельности страны. Согласно ему, русская власть возвращала нойонам все печати, отобранные

царским правительством, а все девять кожуунов Танну-Тува становились «самостоятельной и ни от кого не зависимой страной» [10, с. 310]. В договоре были оговорены условия пребывания русских поселений в крае. Все участки, занятые русскими жителями ранее, предоставлялись им в постоянное пользование, однако налагался запрет на дальнейшую перепродажу земель и запашку новых. Рубка леса должна была производиться с разрешения Урянхайского управления, ближайшего к месту рубки, а рыбная ловля — согласно разрешению кожуунного управления. Разбор судебных дел должен был вестись совместно представителями русской и урянхайской народностей, более серьезные вопросы подлежали рассмотрению на русско-урянхайских съездах [там же, с. 311].

В июле 1918 г. власть Временного правительства вновь была восстановлена, после чего Сибирское правительство отменило все договоренности, достигнутые между большевиками и местным населением ранее. В это время необходимо было решать первоочередные задачи по восстановлению доверия тувинцев, проводить серию практических мероприятий по усилению вооруженных формирований, выплате жалования и наград тувинским чиновникам, решать вопросы по внутреннему устройству Тувы.

Анализ докладов комиссара по делам Урянхая А. А. Турчанинова позволил сделать вывод о том, что местная власть предлагала вышестоящему руководству полноценный и вполне жизнеспособный план по восстановлению авторитета русской власти в крае [там же, с. 312–313].

По причине внутривосточной нестабильности в крае китайская и монгольская стороны по-прежнему проводили там антиагитационную политику. Летом 1918 г. в край прибыла китайская делегация с целью изучения политического положения Урянхая, а также «для пропаганды перехода урянхов к Китаю, для собирания прошений»³. В одном из сообщений в российское консульство отмечалось, что китайские чиновники были намерены остаться в Урянхае до прихода китайского отряда. Под предлогом неимения виз российских консулов китайская делегация была выдворена с территории края, что стало отдельным предметом дипломатической дискуссии. Следующим шагом китайской стороны стала попытка военной интервенции: в конце июля в край были стянуты китайские и монгольские отряды. Поскольку

² ГА РТ. Ф. 115, оп. 1, д. 243, л. 4.

³ ГА РТ. Ф. 115, оп. 1, д. 243, л. 4–5.

авторитет власти Временного правительства среди тувинских чиновников был довольно силен, многие из них сохранили прорусские настроения. До февраля 1919 г. китайский отряд во главе с Ян Шичао не смог проникнуть в глубь Урянхая [11, с. 172–173]. Но монгольским отрядам во главе с комиссаром Итигемиджитом удалось продвинуться в южные районы Тувы. Следует отметить, что китайское правительство было заинтересовано в том, чтобы Урянхай вошел в состав Монголии, поскольку после этого в крае возможно было усилить свое влияние. Владение тувинским рынком для китайцев также имело немаловажное значение. В ноябре 1918 г. в край стали проникать китайские купцы. В этот период торговая экспансия Китая была особенно сильной: китайские товары стоили достаточно дешево по сравнению российскими. Наложение запрета на въезд китайских купцов в Урянхай, товарный дефицит, частые конфликты между местным населением и русскими купцами, непопулярные меры, принимавшиеся в свое время большевиками, и прочие причины привели к обострению внутривосточной ситуации. В крае вспыхнуло антирусское восстание [1, с. 192–207].

Самое крупное сражение русских войск и объединенных отрядов тувинцев, монголов и китайцев произошло 13 июля 1919 г. Вооруженные силы русских потерпели поражение. Правительство Колчака не в силах было удержать позиции в крае. Ситуация усугубилась с приходом в край отрядов П. Е. Щетинкина и А. Д. Кравченко. Наряду с ликвидацией Белого движения партизанским отрядам необходимо было решать задачи взаимодействия с руководством китайских и монгольских отрядов в Туве. Несмотря на обращение представителей враждующих сторон, как партизан, так и колчаковцев, к Монголии с просьбой оказать поддержку в борьбе, последняя сохраняла нейтралитет. Результатом вооруженного противостояния стала победа партизанских отрядов под г. Белоцарском. Партизаны вынуждены были формально признать Танну-Урянхай находящимся в составе Халха-Монголии. Несмотря на короткий период пребывания в крае, партизанские отряды решили важные задачи: с ликвидацией Белого движения было обеспечено нейтральное отношение тувинского населения к советской власти. С приходом Красной армии в край были нейтрализованы остатки китайских и монгольских вооруженных формирований.

На протяжении 1920–1921 гг. борьба между красными и белыми продолжалась, в

том числе и борьба с «последним оплотом» Белого движения в Урянхайском крае — войсками генерала А. С. Бакича. В марте 1920 г. Бакич и отряд Дутова были интернированы китайскими властями в лагере на реке Эмиль в районе города Чугучак, где и оставались до весны 1921 г. [12]. Подход в мае отряда казаков в 2 тыс. чел. вызвал обеспокоенность со стороны Красной армии и китайских властей. Между губернатором Тарбагатайского округа Синьцзянской провинции Китая и российским руководством было заключено соглашение о вводе частей РККА на китайскую территорию для ликвидации белых повстанцев. Это противоречило предыдущим договоренностям А. С. Бакича с китайскими властями. Таким образом, борьба против Белого движения стала стимулом для согласованных действий России и Китая в 1921 г.

Кроме того, сотрудничество российско- и монгольского правительств по созданию объединенной армии также укреплялось благодаря совместным действиям против отрядов барона Унгерна и генерала Бакича [там же, с. 11].

С ликвидацией остатков Белого движения перед Россией и Монголией были поставлены новые задачи: необходимо было решить комплекс проблем, связанных с определением границ, вопросы о ратификации предыдущих соглашений, определить формат сотрудничества государств и пр. Одними из важных моментов были территориальные вопросы, в том числе урянхайский. С отказом революционного правительства от сюзеренитета Китая российско-монгольские отношения вышли на новый уровень, и вопрос о статусе Урянхайского края был очень важным.

15 августа на Всетувинском учредительном хурале была принята первая конституция Республики Танну-Тува улус. В § 1 принятой съездом конституции было записано, что «Республика Танну-Тува улус является свободным, ни от кого не зависящим в своих внутренних делах самоуправлением народа Танну-Тува. В международных отношениях республика выступает под покровительством Советской России» [13, с. 7–10].

Одним из важных вопросов, обсуждавшихся на хурале, был вопрос о законодательном закреплении границ. Поскольку среди присутствующих были представители пяти тувинских кожуунов Оюннар, Салчак, Тоджа, Даа, Бээзи и соединенных поселений Маады и Чооду, а делегатов от кожуунов Хасутского, Шалык и Сартул не было, было вынесено следующее решение: «Хасутский хошун, живущий в Монголии, исключить из

состава народа Танну-Тува, а Шалык и Сартул объединить в один Шалык-Сартульский хошун». Впоследствии такое решение вызвало недовольство со стороны Монголии, вопрос правового закрепления границы между Тувой и Монголией оставался нерешенным на протяжении долгого времени [14].

Сформулированный Советской Россией принцип права наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельного государства распространялся и на Танну-Туву. Однако предоставление права выбора тувинскому народу оставляло открытым вопрос о возможной аннексии региона соседними странами (Монголией и Китаем). Споры о будущем Танну-Тувы велись и на российско-монгольской конференции, на которой обсуждались основные положения соглашения о сотрудничестве Советской России и Монгольской Народной Республики. Ниже приведен анализ стенограммы прений по «урянхайскому вопросу» от 30 октября 1921 г. В процессе обсуждений монгольская сторона изначально была против шестого пункта проекта соглашения, в котором Танну-Тува объявлялась самостоятельным государством. По мнению Данзана, Танну-Урянхайский край должен считаться «неотъемлемой частью Монгольского государства, родственной ему прежде всего по религии, а затем по обычаям и культуре, и рассматривать его как особое территориальное целое они [члены монгольской делегации] не могут»⁴. Мотивами предъявления претензий на край была также утрата Китаем юридического права на Урянхай, неясность в вопросах реализации Кяхтинского соглашения 1915 г. В проекте этой же статьи монгольской делегации говорилось следующее: «Ввиду того что Урянхайский край является искони владением Срединного Государства, что с этого момента Правительство Советской России не будет ни в коем случае предъявлять претензии на владение Урянхайским краем, и по-прежнему Урянхайский край будет находиться под управлением Монгольского народного правительства»⁵.

Поскольку политические ориентации тувинского народа были неоднородны (кто-то тяготел к Монголии, кто-то — к России, кто-то — по-прежнему к Китаю или Монголии), во избежание самоопределения тувинцев в пользу Китая Данзан предлагал урянхайский вопрос «ясно и определенно разрешить на этой конференции», т. е. в пользу Мон-

голии⁶. На это Духовский возражал: «Российская Советская республика не считала Урянхайский край своим, а считало его своим царское правительство. Мы отказались от этой политики, клеймим ее и заявляем о том, что мы Урянхайский край не считаем своим Краем, а чтобы не было никаких сомнений на этот счет, в своей ноте Урянхайскому народу мы подтверждаем, что не имеем никаких видов на этот Край. Больше мы ничего не можем сделать, распоряжаться судьбой Урянхайского народа мы не можем, решать вопрос о присоединении Урянхайского края к Монголии, что является делом соглашения Монгольского правительства с Урянхайским народом, мы также не можем. ...И единственное, что мы могли бы добавить, это то, что мы Урянхайский край считаем по культуре и быту и т. д. связанным с Монголией, а в дальнейшем это дело Монгольского и Урянхайского народа»⁷. По мнению Данзана, «урянхайцы... ни в коем случае не смогут сами быть автономным самостоятельным государством, так как их всего 50 тысяч человек. Так что об их самостоятельности говорить серьезно не приходится, он [край] должен или присоединиться к России, или к Китаю, или к Монголии. ...Допуская, что Урянхайский народ, пользуясь принципом самоопределения, захочет присоединиться к Китаю, мы считаем, что это было бы вредно и для России и для Монголии»⁸.

Во время прений был поднят также вопрос о ликвидации волнений и беспорядков в Туве, вспыхнувших по причине столкновений большевиков и местного населения и негативного восприятия тувинцами агитационной политики, проводившейся как монголами, так и большевиками в лице И. Г. Сафьянова. В этой связи монгольская сторона обратилась на конференции к России с просьбой восстановить в крае порядок и спокойствие. По замечанию Шумяцкого, поддержание в крае порядка военными силами является для российской стороны «величайшим несчастьем», и посоветовал монгольскому правительству «заняться организацией Урянхайского народа не сверху, не путем присоединения, а путем привлечения самого населения к этой работе, и чтобы этот вопрос был скорее разрешен»⁹.

Прения завершились тем, что обе стороны, отмечая сложность внешнеполитической обстановки, принимая непризнание советского правительства рядом государств,

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 111, оп. 2, п. 103, л. 2.

⁵ Там же, л. 4.

⁶ РГАСПИ. Ф. 111, оп. 2, п. 103, л. 6.

⁷ Там же, л. 7.

⁸ Там же, л. 11.

⁹ Там же, л. 13.

равно как и статуса Монгольской Народной Республики, согласились не включать в соглашение вопрос о Танну-Туве. Таким образом, на протяжении 1918–1921 гг. Танну-Урянхай по-прежнему оставался объектом территориальных претензий со стороны России, Монголии и Китая. У каждой из сторон мотивы аннексии края были различные: создание буферной территории для охраны границ, наличие выгодного рынка сбыта товаров, создание объединенного государства в рамках «единой Монголии» и др. Смена политических режимов и форм государственного управления фактически не влияла на смену мотивов претензий. Нельзя не согласиться с высказыванием Е. А. Белова о том, что «противоречивость

советской внешней политики заключалась в том, что, провозгласив одним из основополагающих принципов принцип самоопределения народов, не желала отказываться от имперских притязаний на бывшую российскую колонию» [3, с. 55–56]. Стремление монгольского народного правительства овладеть краем также не противоречило идее панмонголизма, провозглашенной Богдо-гэгэном в свое время. В силу сложной международной обстановки, риска обострения отношений с Китаем было принято решение не включать в соглашение от 5 ноября 1921 г. вопрос о Танну-Урянхае. Он еще долгое время по-прежнему оставался одним из «неудобных вопросов» в системе трехсторонних отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дацышен В. Г. Русско-монгольские отношения в Усинско-Урянхайском крае в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920) / В. Г. Дацышен // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 192–207.
2. Кузьмин Ю. В. Вопросы русско-монгольских отношений в начале XX века (1900–1921): экономика, дипломатия, культура / Ю. В. Кузьмин, А. П. Суходолов // *Mongolica* XII. — 2014. — № 12. — С. 20–25.
3. Моллеров Н. М. Протекторат России над Тувой в 1914–1924 гг. (историко-правовой аспект) / Н. М. Моллеров // Новые исследования Тувы. — № 3 (33). — 2014. — С. 48–57.
4. Белов Е. А. Борьба за Урянхайский край в 1915–1919 гг. / Е. А. Белов // Отечественная история. — 1998. — № 1. — С. 55–56.
5. Саая С. В. Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 годы) / С. В. Саая, С. Ч. Сат. — Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2006. — 296 с.
6. Бичелдей К. А. Особенности исторического момента в Урянхайском крае между начертаниями Николая II «Согласен» и «Успешно» в 1914 году / К. А. Бичелдей // Новые исследования Тувы. — 2014. — № 3. — С. 14–33.
7. Молчанов Л. А. Урянхайский край под протекторатом антибольшевистских властей Сибири (1918–1919 гг.) / Л. А. Молчанов // Новый исторический вестник. — 2012. — № 33. — С. 84–93.
8. Белов Е. А. Россия и Китай в начале XX века (русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.) / Е. А. Белов. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 1997. — 314 с.
9. Суходолов А. П. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии / А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин ; под науч. ред. М. П. Рачкова. — Иркутск : Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2016. — 318 с.
10. Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем — Тувой: к 100-летию исторического события / сост. Т. А. Бондаренко, А. М. Дугар-Сюрюн, А. К. Канзай. — Кызыл : Изд-во ТИГИ, 2014. — 479 с.
11. Дацышен В. Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и русско-тувинские отношения 1911–1921 гг. / В. Г. Дацышен, Г. А. Ондар. — Кызыл : Респ. тип., 2003. — 284 с.
12. Ганин А. В. Урянхайский поход Бакича / А. В. Ганин // Родина. — 2014. — № 7. — С. 52–58.
13. Аранчин Ю. Л. Историческое значение присоединения Тувы к России в 1914 г. / Ю. Л. Аранчин // Ученые записки / Тув. НИИ яз., лит. и истории ; отв. ред. Н. А. Сердобов. — Кызыл : Тув. кн. изд-во, 1957. — Вып. 2. — С. 142–168.
14. Минаев А. М. Тува далекая и близкая / А. М. Минаев // Красная звезда. — 2009. — 14 окт.

REFERENCES

1. Datsyshen V. G. Russian-Mongolian Relations in the Usinsk-Uriankhai Region during the Civil War and Foreign Intervention (1918–1920). *Rossiya i Mongoliya na rubezhe XIX–X vv.: ekonomika, diplomatiya, kultura* [Russia and Mongolia at the turn of the 19th and 20th centuries: economy, diplomacy, culture]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2013, pp. 192–207.
2. Kuzmin Yu. V., Sukhodolov A. P. Questions of Russian-Mongolian relations at the beginning of the 20th century (1900–1921): economics, diplomacy, culture. *Mongolica-XII*, Saint Petersburg, Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 20–25. (In Russian).
3. Mollerov N. M. The protectorate of Russia over Tuva in 1914–1925 (a historic and legal aspect). *Novye issledovaniya Tuvy = The new research of Tuva*, 2014, no. 3, pp. 48–57.
4. Belov E. A. Struggle for the Uriankhai Region in 1915–1919. *Otechestvennaia istoriia = National History*, 1998, no. 1, pp. 55–56. (In Russian).

5. Saia S. V., Sat S. Ch. *Geopoliticheskii status Tuvy v pervoi polovine XX veka (1911–1944 gody)*. [Geopolitical Status of Tuva in the First Half of the 20th Century (1911–1944)]. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 2006. 296 p.
6. Bicheldei K. A. Peculiarities of the Fateful Moment in the Uriankhai Region between «Agree» and «Successful» of Nicholas II in 1914. *Novye issledovaniya Tuvy = The new research of Tuva*, 2014, no. 3, pp. 14–33.
7. Molchanov L. A. The Uraanhai Krai under the Protectorate of Anti-Bolshevik Governments of Siberia (1918–1919). *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin*, 2012, no. 3 (33), pp. 84–93. (In Russian).
8. Belov E. A. *Rossiya i Kitai v nachale XX veka (russko-kitaiskie protivorechiya v 1911–1915 gg.)* [Russia and China in the early 20th century (Russian-Chinese conflict in 1911–1915)]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997. 314 p.
9. Sukhodolov A. P., Kuzmin Yu. V.; Rachkov M. P. (ed.). *Mongoliya i russko-mongol'skie otnosheniya pervoi poloviny XX veka: problemy istorii i istoriografii* [Mongolia and Russian-Mongolian Relations in the First Half of the 20th Century: Issues of History and Historiography]. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2016. 318 p.
10. Bondarenko T. A., Dugar-Siuriun A. M., Kanzai A. K. (eds.). *Sobranie arkhivnykh dokumentov o protektorate Rossii nad Uriankhaiskim kraem — Tuvoi: k 100-letiiu istoricheskogo sobytiia* [Corpus of Archive Documents on Russia's Protectorate over the Uriankhai Region: on the Occasion of Centenary of the Historical Event]. Kyzyl, Tuvan Humanities Researches Institute Publ., 2014. 479 p.
11. Datsyshen V. G., Ondar G. A. *Sayanskii uzel: Usinsko-Uryankhaiskii kraii i rossiisko-tuvinskii otnosheniya v 1911–1921 gg.* [Sayan junction: Usinsk-Uryankhai edge and Tuvinian — Russian relations in 1911–1921]. Kyzyl, Republican printing house Publ., 2003. 284 p.
12. Ganin A. V. Bakich's Uriankhai Campaign. *Rodina*, 2014, no. 7, pp. 52–58.
13. Aranchyn Yu. L. The historical significance of Tuva joining Russia in 1914. In Serdobov N. A. (ed.). *Uchenye zapiski* [Scientific notes]. Kyzyl, Tuvan Humanities Researches Institute Publ., 1957, iss. 2, pp. 142–168. (In Russian).
14. Minaev A. M. Tuva Faraway and Close. *Krasnaia Zvezda*, 2009, October 14. (In Russian).

Информация об авторах

Кузьмин Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики и международного бизнеса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kuzminuv@ya.ru.

Василенко Виктория Александровна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра прикладной информатики и документоведения, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: vasil-vic79@yandex.ru.

Для цитирования

Кузьмин Ю. В. «Международный фактор» в становлении тувинской государственности в первой четверти XX века: к вопросу о постановке проблемы / Ю. В. Кузьмин, В. А. Василенко // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 2. — С. 308–314. — DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(2).308-314.

Authors

Yuriy V. Kuzmin — D.Sc. in History, Professor, Department of World Economy and International Business, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: kuzminuv@ya.ru.

Viktoria A. Vasilenko — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Applied Informatics and Records Management, 664003, Irkutsk State University, 1 Karl Marx St., Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: vasil-vic79@yandex.ru.

For citation

Kuzmin Yu. V., Vasilenko V. A. «International Factor» in the Development of Tuvan Statehood in the First Quarter of the 20th Century: on the Problem Statement. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2018, vol. 28, no. 2, pp. 308–314. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(2).308-314. (In Russian).